

18+

АЗАЛИЯ АМИНЕВА

ГЛУБИНКА

СБОРНИК РАССКАЗОВ И ОЧЕРКОВ

Азалия Аминова

**Глубинка. Сборник
рассказов и очерков**

«Издательские решения»

Аmineва А.

Глубинка. Сборник рассказов и очерков / А. Аmineва —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569968-8

Сборник рассказов и очерков «Глубинка» знакомит читателя с простыми людьми из провинции, которые оказываются в необычных жизненных ситуациях. Столкновение с непонятным, идущим вразрез с привычными представлениями, помогает им постичь многогранность человеческого существования, заставляет по-новому взглянуть на вопросы мироздания, осмыслить собственную личность и жизнь.

ISBN 978-5-00-569968-8

© Аmineва А.
© Издательские решения

Содержание

Лодка	6
Голод	11
Глубинка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глубинка

Сборник рассказов и очерков

Азалия Аминова

© Азалия Аминова, 2025

ISBN 978-5-0056-9968-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор благодарит родственников и друзей, оказавших всестороннюю поддержку:

Танзилю Хакимову, Римму Серкову, Эдуарда Аминова, Хайретдина Закирьянова, Ильдара Хакимова, Анну Кузнецову, Александра Патритеева, Екатерину Румбах, Ларису Москвинку, Наталию Иванову, Оксану Потапенко, Юлию Стрельчак, Констанция Пашева.

Все события и имена в этой книге вымышленные, за случайные совпадения автор ответственности не несёт.

Лодка

Девушка лежала на дне деревянной лодки. Убаюканная безмолвием, она была отстранена от всего. Плавное течение реки куда-то медленно несло судёнышко. Девушка умиротворённо созерцала, как на темнеющем небе проявлялись звёздочки. Приближение ночи совсем не пугало её. Сумерки мягко обволакивали, оберегая от волнений и забот. Она чувствовала себя совершенно безмятежной и уже никого не боялась, ни на кого не злилась.

Скоро небо усеяли мириады звёзд, ни одной из которых девушка не помнила и не собиралась вспоминать. Ей было хорошо и легко, думать совсем не хотелось. Тихо плескались волны за бортом, и на душе ночной путницы царил полный покой. Сознание покачивалось в такт лодке, пребывая в чудесной невесомости.

Впервые в жизни девушка была совсем одна так далеко от дома. Она никому ничего не была должна, её никто не трогал и не обижал. Сама по себе в своём замкнутом мирке, даже звёзды над головой мерцали безучастно, равнодушно. Лодка медленно плыла, а девушка неподвижно лежала в ней, завёрнутая в лоскутное одеяло. Мягкое, пушистое, оно было когда-то давно, в другой жизни, любовно сшито бабушкой и давало ощущение защиты. Спать не хотелось. Или она уже поспала? Как она здесь очутилась? Убегала от кого-то и смогла оторваться от преследователя?

Девушка разочарованно отметила, что к ней возвращаются мысли. Она уже смутно ощущала, что уплывала от тех, кто причинял ей страдания. И знала, что никогда больше к ним не вернётся. Обратной дороги для неё не было.

Проплывая мимо какой-то дереvушки, в редких домах которой приветливо горели огоньки, она на миг подумала о том, что нужно всё-таки взять весло и причалить к берегу, пойти к людям. Ночь была тёплая, но к утру, она помнила, обязательно похолодает. Мысль о возвращении испарилась, как только до девушки донеслись звуки отдалённого детского плача. Нет, у неё не было воли вернуться. Она даже не шелохнулась, а лодка продолжала мягко скользить по водной глади. Душа наполнилась тихой радостью оттого, что всё осталось позади и можно опять ни о чём не беспокоиться.

Слева показался крутой берег с силуэтами высоких деревьев. Девушка уловила запах сосны. Ей вспомнился счастливый Новый год, когда папа привёз ей из города красивую куклу в пышном белом платье, в голубых туфельках, с чудесными розовыми волосами. Когда она выросла, покрасила свои светлые волосы в розовый цвет, потому что мечтала стать красивой.

От этих воспоминаний девушка съёжилась в своей лодке и сильно зажмурила глаза. Ей снова хотелось обрести то состояние, когда она ни о чём не думала. Не вышло. Мысли уже роились в голове, всё больше возвращая её к реальности. На память пришло то, что причиняло невыносимую муку. Когда она покрасила волосы дешёвой краской, которая дала не нежный персиковый оттенок, как на упаковке, а грязно-розовый, местами переходивший в ржавчину, мама отхлестала её дурно пахнущей половой тряпкой. Беззубая соседка назвала «Людкой-проштитуткой», а учительница отвела её в кабинет директора. Там с ней говорили таким ледяным тоном, что душа корчилась от холода. Обсуждали мать, отчима, а потом кто-то предложил поставить на учёт «эту неблагополучную семейку». Но больше всего терзали высказывания о том, что она позорит доброе имя своего отца. Худенькая, угловатая ученица стояла перед грозными, всемогущими женщинами и прятала глаза от стыда. Ей было неловко за трещину на ботинке, за выцветшую юбку, за весь свой нелепый вид. В классе одноклассники, как обычно, смеялись над ней и обзывали Барби с помойки. Они давно презирали Люду за бедную одежду и старый кнопочный телефон.

Девушка поймала себя на мысли, что вспомнила своё имя, которое забыла от сильного удара по голове. Конечно, её звали Людмилой, как и бабушку, которая когда-то заплетала ей косички и приговаривала:

– Люд-мила, значит людям мила. Значит, моя лапонька, люди будут любить тебя. Слышишь, внученька?

Маленькая Людочка улыбалась и шёпотом повторяла за любимой бабушкой:

– Люд-мила. Людям мила.

А потом добавляла, присюсюкивая, зная, что ею любят:

– Бабуська, а меня в садике Милочкой называют... Так можно же?

– Можно, Людонька, можно, лапонька.

И лицо бабушки расплзлось в радостной улыбке, а морщинки на щеках превращались в лучики. И внучка говорила:

– Бабушка, у тебя лицо как солнышко и как блинчик, потому что на нём пятнышки!

Бабушка запрокидывала голову и весело хохотала, при этом её огромные ноздри раздувались, как паруса. Людочка удивлённо смотрела то на пожилую женщину, то на стоящую на тумбочке фотографию. На ней жених и невеста – дедушка и бабушка – были молодые и красивые. Думала, неужели она станет такой же старенькой, а лицо её тоже будет в крапинку. Пытаясь представить себя старушкой, весело прыскала в ладошку. Как она была счастлива тогда и не знала об этом!

Дно лодки когтисто процарапали коряги, а потом судёнышко понесло чуть быстрее. Людмила бесстрастно предположила, что это водяной играет с ней и хочет утащить к себе. Как в том страшном рассказе о мальчиках в ночном. Девушка хотела вспомнить название, но не могла. Всплыло имя Павлуша, отдавшееся болью в виске. Она попыталась избавиться от мыслей, которые беспокойными личинками закопошились в голове. Как в защитную лазейку, поспешила юркнуть в другие закоулки памяти (только бы больше не думать о Павлуше): «Вот ведь совсем не испугалась водяного, хоть и трусиха. Всегда была такой! И к бабушке, когда с ней случилось это, не подходила из-за страха. Бессовестная!»

Бабушка сильно заболела, а однажды её лицо страшно перекосило. Она перестала смеяться и прятала щёку за платком. Людочке было неприятно к ней подходить. Папа несколько раз возил свою мать в районную больницу, но там либо не было врача, либо на приём выстраивались огромные очереди. А отцу всегда было некогда. Неулыбчивый, хмурый, он постоянно куда-то спешил и, когда его отвлекали, раздражённо восклицал: «У меня нет времени! Я ничего не успеваю!» Дочери порой казалось, что он не принадлежал ни себе, ни семье, а был невольником своей работы. Мама, у которой в тот тяжёлый год разболелась спина, тоже не могла помочь свекрови. Однажды промозглым и тёмным осенним утром баба Люся не проснулась. Мама сказала: «Отмучилась, страдальца наша, ушла в лучший мир». Людочка услышала от приехавших на вызов врачей, что у неё был удар. Ей было невдомёк, кто мог ударить бабушку. За окном беспрестанно плакал дождь, и маленькая девочка тоже плакала, кутаясь в лоскутное одеяло. Потом в дом принесли ящик, пахнувший хвоей, а её отправили ночевать к дальним родственникам.

Девушка равнодушно думала, что она так же, как и её родители, всю свою недолгую жизнь плыла по течению. Бездумно, бессмысленно, напрасно. И, казалось бы, сейчас происходит почти то же, но уже по-другому. Это путь, который она сама себе выбрала. Почему же ей раньше не приходило в голову, что можно всё изменить?

Лодку слегка качнуло. Девушка чувствовала малейшие изменения вовне, хотя и была сосредоточена на своих мыслях. Закапал крупный дождь и тут же прекратился. Видимо, полосой прошёл. Пейзаж постепенно менялся. Теперь уже сосны свешивались с обоих берегов, оставляя лишь полоску звёздной дорожки. Время от времени небо освещали вспышки молний. Несколько раз прямо над головой бухнул гром.

– Сколько я плыву уже? Полчаса? Час? Куда я приплыву? Может, до города? Скорее всего, занесёт на пороги, как в фильме.

В каком фильме, Людмила тоже не помнила. Что-то про географа, который пил... Вот её папа – тоже учитель – никогда не пил, но его задавил пьяный шофёр. Прямо у школы. Говорили, что папа оттолкнул зазевавшегося озорника-второклассника, а сам не успел отскочить. Все вокруг жалели папу. Говорили, что он был хорошим человеком, серьёзным.

Мама раньше тоже была хорошей. Только после похорон отца она начала пить. Сначала одна, потом с компаниями. И тогда к ней, красивой, статной, прибилась лихой Толик с красными глазами. Он стал жить у них и командовать. Теперь Люда брала книги из шкафа отца тайком. Отчим говорил, что только бездельники читают, когда кругом столько работы. А сам чаще всего валялся перед телевизором. Требовал, чтобы Люда называла его папой, но она уже была большой и всё понимала. Папа у неё навсегда один.

По вечерам мама и отчим напивались. Иногда Толик бил маму. Несколько раз под его горячую руку попадала падчерица. Как-то пропойца пребольно сдавил ей плечо и швырнул об стену. Мать возмутилась, выставила его за дверь и даже перестала пить, но через какое-то время они помирились, и всё закрутилось по-прежнему. Людочка не понимала, зачем её маме нужен этот злой мужик, ведь без него было так тихо, так спокойно.

В конце лета скорая увезла маму в роддом. Перед этим она кое-что шепнула Людмиле. А Толик моргал кроличьими глазами и говорил с пьяным бахвальством: «Ну что, Люд, братик у тебя будет. У нас, у Гузких, завсегда пацаны, не то что твой папаша-бракодел».

Вечерами в доме собирались мужики, дружки Толика. А Людмила неизменно шла ночевать к дальним родственникам отца в другой конец деревни. Резиновые сапожки застревают в грязи, она мёрзла в лёгком платье и до дрожи боялась собак, но каждый вечер появлялась на пороге троюродной сестры отца, тёти Вали. На недовольное ворчание женщины смиренно отвечала: «Так мама наказала... говорит, чтобы чего не вышло».

Однажды ворота родственников оказались запертыми, и Людмила перемахнула через забор палисадника, потом пролезла под калиткой и очутилась во дворе. В детстве, когда папа был жив, она иногда играла здесь с дочками тёти Вали в прятки, поэтому знала все лазейки.

В кухне горел свет. За столом, освещённым тёплым светом лампы, сидели тётя Валя, её муж и две их дочери. Людмила постучала в окошко, но дядя Андрей с перекошенным от злости лицом поспешно задёрнул шторы.

Людмила, светя слабым фонариком телефона, пометалась по двору и заглянула в тёмную баню, которую недавно топили. Постояла, согреваясь, а потом вспомнила, что ночью в баню нельзя ходить. Дрожащим шёпотом произнесла слова, которым её научила бабушка: «Банник, банник, в дом к тебе прошусь, от зла защищусь». Воображение нарисовало страшного лохматого старика, который затаился в чёрном углу и пожирает её свирепыми глазами. Девушка поспешно выскочила из бани и направилась к сараю, спиной чувствуя неизъяснимую жуть. Надо было хоть куда-то приткнуться, и она устроилась на ночлег в загоне с коровами. Сквозь слёзы рассказывала равнодушно жующей телушке, что ей некуда идти, что она хочет есть, боится собак, банника и пьяных мужиков. На рассвете, дрожа от холода, подоила корову в забытый кем-то бидончик, позавтракала молоком и пошла домой.

В доме был погром. Видимо, ночью здесь дрались. На кухне лежали переломанные табуреты и разбитая посуда. Из скудных припасов, которые мать, опомнившись перед родами, собрала для дочери, не осталось ничего. Всё пошло «на закуску». Людмила выносила во двор мусор и брезгливо убирала последствия пиршества. Она радовалась, что Толика нет и что никто не будет к ней бесстыдно приставать. Видимо, ночью вся честная компания удалилась, поняв, что тут больше нечего ловить.

На следующий день к обеду мать вернулась домой с малышом. Приехала на попутке. Толик всё ещё не появлялся, зато нагрянула вездесущая соседка Тоня. Гордая своей осведомлённостью, она изрекла:

– Твой-то, Мария, всю неделю гужбанил, наследника оммывал.

Она любопытно озиралась кругом и была похожа на собаку, нюхающую воздух. Не обращая внимания на то, что мать её не слушает, продолжала:

– Позавчера, кажись, драка у них вышла. Хату тебе разнесли, ироды. Вот он и не кажет глаза. И Петровна грит, что у Нинки он зависает. А Людка тоже хороша! Как вечер, так она идёт куда-то. И до утра, до утра! Где это видано, чтоб в таком возрасте таскались. Сама пигалица – кожа да кости – а всё туда же! Слышь, Людка-то у тебя как с Бухенвальда. Не кормишь совсем! Смотри, соцслужба заберёт! Обоих заберут! Уже заинтересовались вами.

Она засемила следом за матерью, которая пошла в комнату к сыну:

– А ребёнок-то что у тебя орёт-надрывается. Молока, что ль, нет? И чего тебе рожать вздумалось от этого непутёвого, одну бы хоть подняла. А как вы с Петром Ивановичем жили – загляденье, не то что с энтим ушлёпком Натоллием. Тьфу! Эх, несчастная ты баба-дура, а какая умница да красавица была. Высохла вся, смотреть не на что.

Мать, опустошённая, смертельно уставшая, никак не реагировала на слова соседки. Та, недовольная отсутствием внимания, ушла, громко хлопнув дверью.

Хилый ребёнок день и ночь захлёбывался в плаче. От крика родничок на его голове неприятно выпятился. Но Люда всё равно брала его на руки и укачивала, хотя он был не таким красивым, какими бывают другие младенцы. Ей было стыдно, что когда-то она брезговала подойти к родной бабушке.

Девушка даже подобрала брату имя Павлуша, чтобы он вырос и стал смелым (девушка уже отстранённо и спокойно вспоминала об этом). Через два дня мама ходила в контору, потом у них появилось свидетельство о рождении Гузкина Павла Анатольевича.

Толик, опухший, злой, пришёл через несколько дней с пластиковой бутылкой пива в руке. В деревне, видимо, судачили о нездоровом малыше, поэтому он глядел хмуро. Напившись, оглушительно орал. Кроме страшной, немыслимой брани повторял одно и то же:

– У нас, у Гузкиных, сроду все здоровые рождались. Не мой он!

Когда Павлуша заплакал, отчим вскочил, словно только и ждал этого сигнала. Он начал бить по столу вяленой воблой, а потом несколько раз ударил сухой рыбой маму, расцарапав ей лицо. Как будто озверев от вида крови, выкинул жену за дверь и побежал к ребёнку. Бешено вращая красными глазами, он рычал, что кинет урода в печь. И Людмила, вечно испуганная, вдруг решительно бросилась спасать брата. Изо всех своих сил она оттолкнула от него Толика. Пьяное чудовище схватило кочергу. Прежде, чем потерять сознание, девушка слышала надрывный крик мамы.

Людмила подумала: «Наверное, надо вытереть кровь с виска». Но руки не хотели слушаться и лежали вдоль тела тоненькими прутиками. Девушка пыталась вспомнить, как ей удалось дойти до реки и забраться в лодку. Не получалось. И она продолжала покоиться с налитыми свинцовой тяжестью веками.

Вдруг судёнышко остановилось и устремилось наперерез течению. Кто-то подтягивал его к пристани. Людмила поняла, что уже можно подняться. Неизвестно откуда знала, что теперь должна делать. Поднесла руки к глазам и сняла с век монетки. Старое лоскутное одеяло исчезло, и теперь воздушное белоснежное платье нежно обнимало её лёгкий стан. На стройных ножках хрустальным блеском сверкали полупрозрачные голубые туфельки. Девушка залюбовалась их неземной красотой, и тихая улыбка тронула её губы. Она провела рукой по виску, на котором уже не было глубокой раны. Мягкие локоны под сиянием полной луны казались жемчужно-розовыми. Серебристый свет заливал причал, на котором высилась фигура мужчины в длинном сером плаще. Людмила не боялась его, точно зная, кто это. Она выпорхнула

из лодки и протянула проводнику свои монетки. Следуя какому-то зову, девушка оглянулась и увидела, что папа и бабушка уже ждут её.

Бабушка была красивая и молодая, как на фотографии, а лицо папы излучало безмятежность. Людмила никогда не видела его таким.

Втроём они пошли прочь от реки, а потом по лунной дорожке поднялись в небо.

Голод

Ноябрь 1921 года. Поволжье

Обессилевшая от постоянного недоедания Фарида собирала нехитрые пожитки семьи. Некоторое время спустя она вышла во двор, чтобы проверить, что делают её дочери, одной из которых было четыре года, другой шесть лет. Они дружно играли, не замечая матери.

– Вот какой у меня пирожок, а это чак-чак!

– А у меня балиш какой! С мясом!

Фарида покачнулась, живот сжало от острой боли. Её девочки лепили из первого снега куличики, смакуя названия всевозможных хлебных изделий, потому что больше всего хотели есть и ни о чём больше не могли думать. Молодая женщина с тревогой отметила, что они сильно похудели. Ей казалось, что даже через тёплые вещи у них проступают лопатки. «Сейчас нагуляют аппетит, зайдут домой и попросят есть, а мне их нечем кормить. Нечем, нечем, совсем ничего нет! Может, Гилимьян что-нибудь принесёт?» – в отчаянии размышляла она.

Муж Фарида Гилимьян промышлял охотой, поэтому они ещё держались. В соседнем же доме, где жила многодетная семья Сафиных, ребяташки ходили настолько оборванными и голодными, что на них было страшно смотреть. Из жалости Фарида украдкой приносила им немного из того, что добыл её муж. На прошлой неделе им перепало немного мяса косули, позавчера часть зайчатины, но этого было очень мало для пяти голодных ртов. «Мёртвому припарка», – поняла Фарида, заметив, как осунулась соседка Эльнара. Некогда пышнотелая, беззаботная, она стала похожа на скорбную тень. Фарида лишь раз взглянула в её лицо и осознала, что больше никогда ей не забыть это ужасающее зрелище. При свете дня она увидела – и по коже пошли мурашки – обтянутый сухой кожей череп с провалами вокруг потухших глаз. Серый платок, обмотанный вокруг головы, довершал сходство с мумией. Фарида сразу сообразила, что соседка всю еду отдавала детям, а сама ничего не ела, ведь они с мужем в первое время поступали так же. Но после падения в голодный обморок женщина задумалась, что будет с детьми, если их с Гилимьяном не станет, и начала делить еду поровну. Теперь, увидев Эльнару, она поняла, что была права, и в её голове в очередной раз шевельнулась мысль: «Лучше уж всем вместе сгинуть, чем мои девочки будут мучиться, умирая потом поодиночке». Фарида не могла подобрать слова утешения для несчастной. Она лишь сдавленно пробормотала, остерегаясь встретиться с ней взглядом:

– Эльнара, Эля, милая моя, тебе надо хоть немного есть. Что будет с твоими детьми, если...

Тут Фарида увидела, как из соседней комнаты выполз трёхлетний малыш Айратик, волоча тоненькие ниточки-ножки и большой живот. Женщина почувствовала, как дурнота подступает к горлу. Не договорив, она пустилась прочь из их дома. Не в силах больше сдерживаться, Фарида заскочила в нетопленную баню и дала волю слезам. Лежала на лавке и тряслась от рыданий, слабости и холода. «Главное – не напугать девочек, они и без того натерпелись за этот год», – думала она, надрываясь от ощущения собственной немощи, от невозможности противостоять злему року.

Фарида вспоминала, как приветливо встретила её Эльнара, когда она – молодая жена – впервые вступила в дом своего мужа. Именно оптимизм и юмор соседки помогли ей тогда выдержать придирки свекрови. Искрящаяся энергией и обаянием женщина всегда удивляла Фариду. Смелая и острая на язык, она даже председателя порой поднимала на смех. Эльнара была центром притяжения и самой желанной гостьей на всех деревенских сходках. Всевыш-

ний наделил её красивым чистым голосом. Когда она затягивала узун-кюй¹, в душах слушателей расцветали райские сады. Фарида не могла постичь, как пение простой крестьянки может вмещать сколько любви к родному краю, к его древней культуре. Мелодии несли в себе что-то непостижимое, давно утраченное. Песни Эльнары, казалось, рождались в глубине её большого сердца. В эти минуты Фарида приобщалась к чему-то природному, ненаносному, что возникло в самых недрах её некогда вольного, воинственного и смелого народа. Женщина чувствовала это, но не могла выразить словами. Слезы катились по её щекам, а с души на некоторое время спадали оковы. Но это было раньше, до тишины, когда они жили, а не влачили голодное существование.

Неужели этот скелет, обтянутый кожей, – и есть Эльнара? Как быстро всё изменилось! Ещё двух лет не прошло, как весёлая соседка шутливо заигрывала с овдовевшим свёкром Фарида. Пожилой мужчина чувствовал подвох, но в нём теплилась надежда, что он ещё интересен женщинам. Все незатейливые эмоции этого простого человека, не привыкшего к хитростям и интригам, отражались на лице, что вызывало безудержный смех Эльнары и тихую улыбку Фарида.

Фарида всегда казалось, что её соседка не умела тосковать и печалиться. Её муж – большевик в 1918 году участвовал в боях с белочехами и был застрелен на железнодорожной станции, которая находилась в двенадцати километрах от их деревни. Эльнара осталась одна с четырьмя маленькими детьми на руках, но это не сломило сильную женщину. Она вставала с утренней зарёй, готовила еду и бежала на колхозные работы. Потом до позднего вечера копала, полола, шила, штопала, вязала, готовила, кормила, поила, растила, не присаживаясь ни на минуту. Было у соседки небольшое хозяйство: огород, корова с овцами и куры. В доме порядок, дети сыты и обуты. Эльнара всегда была при деле и никогда, казалось, не уставала и не унывала. Всё спорилось в её руках, трудилась она задорно и красиво – с шутками, прибаутками, заразительным смехом. Но когда случилась засуха, ей сначала нечем стало кормить животных, потом и ребятишек. Первое время она ещё как-то крутилась, что-то обменивала, добывала. Стараясь приободрить себя и окружающих, говорила, широко улыбаясь: «Ничего, все так живут, немного потерпим. Советы наши молодые, скоро поднимутся – вот тогда заживём при коммунизме. Нам обязательно помогут. Товарищ Ленин всё знает и позаботится о нас! Конец этому будет!»

– Конец... Держалась, держалась и сломалась моя соседка, как берёза от ураганного ветра, – думала Фарида, и слёзы снова застилали ей глаза, а в голове от недоедания, слабости и тяжёлых эмоций был туман.

Вошёл Гилимьян и прервал безрадостные мысли Фарида:

– До реки дошёл. Сурка по следам на снегу выследил. Теперь в дорогу мясо возьмём. Правда, мало его тут. Еле живой был, после засухи зверью тоже нечего есть. Вся кора ободрана даже в дальнем лесу. Мало следов, скоро не останется.

– Скоро ни следа не останется, – полубессознательным шёпотом вторила ему Фарида.

Когда они приняли решение оставить дом и уехать к родственникам в Челябинск, её муж совсем сник и почти перестал говорить с ней и с детьми. Оба понимали, что переезд – единственный выход из ситуации, что бездействие приведёт к медленной смерти. На их глазах угасали целые семьи, теряя волю к движению, к самой жизни, что противоречило инстинкту самосохранения, который заложен природой в каждого. Но были в их деревне и другие люди. Добывая себе пищу подобно лесным животным, они незаметно утратили человеческое обличье. Глаза их горели диким блеском. Было понятно, что такие будут выживать любой ценой. Поговаривали, что один из их соседей, одинокий сорокалетний Варис, который работал пастухом, пока существовало колхозное стадо, крадёт по ночам собак. Фарида заметила, что голод-

¹ дословно – долгий напев; башкирские и татарские лирические протяжные песни.

ный лай больше не оглушал округу. Оставшиеся в живых дворняги забились в свои будки. В деревне стало так же тихо, как на деревенском погосте. Молчание воцарилось и в их доме. Когда же это началось? Женщина вспомнила, что первое затишье повисло в воздухе ещё летом, когда случилась невиданная засуха и уничтожила весь урожай. Мелодичные татарские песни, которые издревле сопровождали труд крестьян, унесло суховеем. Селяне, полные ощущения неминуемой беды, затаились. Только изредка со стороны конторы доносился надрывный крик агронома, который пытался что-то объяснить председателю. Осенью произошёл падеж обобществлённого скота. Задавленные страхом перед злым роком жители колхоза «Светлый путь» схоронились по своим норам. Отгородились от всех засовами и несли своё горе смиренно и беззвучно. Только в предзакатный час можно было видеть очертания их сторбленных фигур. Гонимые голодом, одни из них шли в лес выслеживать добычу, другие обдирали кору с деревьев, из которой пекли хлеб или варили суп. Тут и там с домов свисали неаккуратные клочки: солому с крыши тоже ели. «Сено едят, совсем как овцы в хлеву», – думала Фариды с ужасом. Она понимала, что их семья не дошла до этого только потому, что её муж хороший охотник.

Гилимьян однажды обмолвился, что в Челябинскую область из Америки начала поступать гуманитарная помощь пострадавшим от голода. Несколько лет назад в Челябинск уехала его родная сестра Флюра. Он написал ей письмо, в котором просил временно приютить их. Через месяц пришёл ответ. Сестра звала всю семью к себе, обещала помочь. Незамужняя Флюра жила с каким-то мужчиной (неслыханное дело!) в доме на городской окраине. Когда-то она слушалась мать с отцом и сбежала в большой город. У девушки был небольшой горб, и потому родители решили, что нужно быстрее пристроить шестнадцатилетнюю дочь. Они собирались выдать её за вдовца Баязита, который забил до смерти свою жену Камиллу. Каждый в деревне знал эту историю.

Камилла, будучи ещё незамужней, полюбила батрака Ахмата. Через какое-то время юношу отправили на войну с немцами². Девушка проводила его и обещала ждать. Но родители, не спросив её согласия, выдали замуж за местного зажиточного крестьянина Баязита. Через год Ахмат, который был до войны красивым юношей, вернулся инвалидом без ноги. Когда муж уехал в город, Камилла прибежала к возлюбленному, чтобы объясниться с ним по поводу своего замужества. Молодую женщину, выходящую из бедной хижины Ахмата, увидел мулла и возмутился такой вольностью. Слух быстро дошёл до Баязита. Взбешённый, он избил несчастную так, что живого места на ней не оставил. Камилла промучилась несколько дней, а потом умерла. Ахмат, узнав об этом, наложил на себя руки, и его похоронили за частокладбищем. Деревенские жалели обманутого Баязита и осуждали Камиллу с Ахматом.

Флюра была подростком, когда произошла эта история. В её душе поднялась волна протеста против несправедливости, но она не имела права выражать свои мысли и чувства, ведь мусульманская девушка должна быть покорной. Мать, собираясь выдать дочь замуж за изверга, говорила: «Не будешь строптивой, пальцем никто не тронет. Слушайся мужа, почитай его, не перечь, по вечерам омывай его ноги – вот и проживёшь за ним как за каменной стеной. Вон какой у него дом, хозяйство богатое. Хорошо хоть он берёт тебя такую горбатую. А той бесстыжей поделом, коль мужа опозорила». Но Флюра не желала мыть чужие ноги и кому-либо подчиняться. Она собрала в узелок платье, зубную щётку, села в попутную подводку проезжавшей мимо их деревни чувашской семьи и уехала на станцию, а оттуда в большой город. Девушка не представляла, что будет там делать, но точно знала, что не выйдет замуж за убийцу. «Лучше сгинуть, но попытаться выжить на чужбине, чем похоронить себя здесь», – сказала она брату, который поддержал сестру, хотя и осуждал за строптивость. Он с детства гордился её независимостью и смелостью. За послушание деспотичная мать прокляла свою непокорную дочь, а слабохарактерный отец подчинился воле супруги.

² Первая мировая война.

Фарида познакомилась с Флюрой год назад, когда та приехала в родные края после смерти родителей. И была поражена, потому что впервые видела женщину с непокрытой головой, короткой стрижкой и красной помадой на губах. Еле заметный горбик не мог лишить бунтарку очарования и стати. Сестра её мужа, конечно, бросала вызов общественному мнению. Бывшие односельчане смотрели на отступницу так, как будто перед ними был сам шайтан. А Гилимьяна клеймили презрением за то, что он впустил непокорную в отчий дом.

Непонятая и лишняя на своей родине, Флюра, однако же, была нужна на чужбине. В деревне её порицали за непослушание – в городе ценили и уважали за инициативность. Она оторвалась от своих корней и не потеряла себя, а, наоборот, обрела, стала свободной личностью. В Челябинске смогла устроиться на ткацкую фабрику и удивляла всех тем, что всё спорилось в её руках. У Флюры начался головокружительный взлёт, ведь новая власть ценила трудового человека, его преданность общему делу. Превыше всего девушка ставила страну Советов, потому что у неё, отщепенки, появилась возможность расти и развиваться в коллективе, ставшем для неё родным. Добросовестная работница быстро добилась признания начальства. За три года, невзирая на отсутствие специального образования, Флюра проделала путь от прядильщицы до начальника цеха. И это было только начало. Партийное руководство уже присматривалось к молодой энергичной комсомолке.

Приехав на родину, Флюра ещё раз убедилась, что ничего там не изменилось, несмотря на то что вместо мечети теперь был детский сад и над недавно построенным клубом и зданием конторы развевались красные флаги. Новоиспечённые колхозники, которые тайком продолжали молиться Аллаху, откровенно презирали её. Лишь Фарида искренне восхищалась смелостью женщины и говорила с ней уважительно, а Гилимьян, который соскучился по беглянке, прижимался щекой к щеке старшей сестры, когда никого не было рядом. Именно апайка³растила его, носила на своём горбике, ведь родители постоянно трудились в поле. Однажды сестра спасла его от гадюки, заползшей в их двор. Гилимьян, хоть и был тогда совсем маленьким, запомнил, как хрупкая нескладная девочка отчаянно билась змею палкой, пока та не перестала шевелиться. В его сознании часто всплывали картины того летнего дня, когда безмятежность сменилась страхом перед неизвестностью. Они играли в камешки у плетня, вдруг Флюра пронзительно закричала, выхватила жердь из забора и заслонила брата собой. Две тоненькие косички с красными ленточками трепыхались как живые, пока она наносила удары по высокой траве. Чёрная верёвочка замерла, она больше не представляла смертельную угрозу. Именно тогда мальчик понял, что сестра – его главная защита. И теперь ему, взрослому человеку, вновь не обойтись без её помощи. Но на этот раз опасность страшнее: голод, подобно гигантскому полозу, окутал тугими кольцами всю их волость.

На последние деньги с огромным трудом были куплены билеты на поезд. Фарида со слезами на глазах одела в отрепья своих исхудавших дочек с чуть вздутыми животиками. Старшей Раисе в сентябре в школу, а у неё нет ни одного подходящего для этого платья. Всё более-менее приличное в доме обменяли на еду. Уложив в баулы скудные вещи, они отправились в путь на санях до ближайшей большой станции. Возле их полустанка поезда больше не оставались.

В неотопливаемом здании вокзала им пришлось просидеть до следующего утра: поезд задержали из-за поломки. Мать выделила дочерям по крохотному ломтику мяса с хлебом. Девочки уже привыкли к тому, что еды всегда мало, и медленно пережёвывали маленькие кусочки, а потом, пытаясь растянуть приятные ощущения, цедили во рту жидкую кашу. В углу – прямо на холодном полу – сидел беспризорник лет восьми и неотрывно смотрел на них. Фарида не выдержала этот недетский взгляд. Когда муж отлучился, она отдала мальчику свою порцию. И пожалела об этом, когда мальчик тихонько попросил:

³ Здесь – — сестричка.

– Тётяшка, возьмите меня с собой, я вам помогать буду.

Фарида знала, что скажет её суровый муж: «Ты всех беспризорных решила собрать по железной дороге? Детприёмники есть, пусть туда идёт». Она зажмурилась глазами и отчаянно замотала головой, а мальчик в упор смотрел на неё остановившимся взглядом. У неё не было душевных сил выносить это, но прогнать его женщина тоже не могла. Гилимьян вернулся мрачнее обычного и спугнул маленького бродягу своей угрюмостью. Малыш поспешно выскользнул за дверь, но его уход не принёс облегчения. Фариду угнетали тяжёлые мысли о судьбе беспризорника, о будущем дочерей, о причине беспросветной тоски мужа, которыми ей не с кем было поделиться.

Поезд пришёл ранним утром, когда продрогшие до костей люди уже еле шевелились.

В вагоне было чуть теплее, но пахло чем-то скисшим. Семья устроилась возле пожилой русской четы, у которой был совершенно потерянный вид. «Наверное, тоже сорвались с насиженных мест. В таком возрасте ещё сложнее отрываться от корней. Впрочем, со стороны мы выглядим так же. Как будто воды в рот набрали. Гилимьян вообще на глухонемого смахивает», – думала Фарида.

Через некоторое время Фарида бережно достала из полотенца последние крохи хлеба с полупрозрачными кусочками мяса. Ехали в гробовой тишине, исчерпав все силы. К вечеру поезд внезапно начал сбавлять скорость и остановился. Поговаривали, что из-за неисправности путей. Локомотив с вагонами, полными отчаявшимися и голодными людьми, простоял почти сутки. К следующему вечеру паровоз дал гудок, состав несколько раз качнулся и стал рывками двигаться вперёд. Неожиданно младшая Фаечка тихо заплакала. У неё начались судороги. Пожилая женщина протянула ей кусок сахара, и девочка впиалась в него дрожащими губами. Её лицо при тусклом освещении казалось совершенно серым. Она была похожа на маленькую высохшую старушку. Сердце матери разрывалось на части.

Поезд остановился на каком-то полустанке, название которого невозможно было прочесть, поскольку фонарь почти не давал света. Люди посыпались из вагонов. Фарида взяла последнюю ценность, которую надеялась позже продать, чтобы купить школьную форму для старшей Раисы. Это был белый пуховый платок, подаренный ей на свадьбу Гилимьяном. Женщина надевала его за семь лет супружеской жизни всего три раза, а в остальное время берегла как память, завернув в плотную бумагу. От него чудесно пахло цветочным мылом, положенным в ту же упаковку для защиты от моли. Фарида потрогала руками нежную паутинку, замерла на миг от красоты белоснежных ажурных сплетений. Среди убогого, рваного, заплаточного и вонючего он выглядел как нежная лилия, распустившаяся на мусорной куче. Прижимая его к сердцу, женщина вышла на полустанке, чтобы обменять это чудо на еду и накормить своих девочек. Муж Гилимьян молча наблюдал за ней. Он всегда был немногословен, а в последний год, придавленный тяжёлыми обстоятельствами жизни, и вовсе замкнулся. Ощущение, что он не в состоянии повлиять на ситуацию, лишило этого могучего мужчину воли. Потерянный взгляд, опущенные плечи. Он ли был тем егетом⁴, за которого она выходила замуж. Фарида внимательно посмотрела на мужа и сказала:

– Гилимьян, я сейчас приду! Смотри за дочерьми хорошенько. Никуда не уходи.

Супруг попытался разжать слипшиеся губы, но у него не было сил. Челюсть одеревенела от постоянного напряжения. Он лишь бессмысленно мыкнул и кивнул в ответ. Фарида подумала, что её муж скоро совсем разучится говорить. Спускаясь по крутым ступенькам вагона, она пыталась вспомнить, когда Гилимьян в последний раз перекидывался с ней словами. Вышло, что почти три дня назад, когда он принёс с охоты добычу.

Женщина понимала, как тяжело было её некогда сильному и волевому мужу ехать на чужбину, чтобы просить милости у сестры, которая, как все считали, ведёт несправедливый образ

⁴ Здесь – джигит, храбрец.

жизни. Да и могилы предков под разлапистыми соснами на старом деревенском кладбище, оставленные навсегда без присмотра, надрывали его душу. Заснув на несколько минут позапрошлой ночью на скамейке вокзала, он глухо завыл. Эти нечеловеческие звуки напугали Фариду. Она погладила Гилимьяна по небритой щеке. От прикосновения он только вздрогнул и посмотрел на неё совершенно остекленевшими и бессмысленными глазами.

Фарида стояла на полустанке, сжимая в руках белую шаль. Голова кружилась от голода. На неё накатывала дурнота от того, что все вокруг суетились. Пассажиры что-то обменивали у крестьян, заполняли водой бидоны и кувшины. Весь пыл женщины вдруг пропал, она растерялась. Фарида плохо говорила по-русски и потому не решалась обратиться к кому-либо. Тут её окликнула женщина. Фонарь светил тускло, Фарида разглядела лишь непомерно большой нос и маленькие пуговицы глаз. Крестьянка сказала тихим вкрадчивым голосом, не подходящим к её тяжёлой фигуре.

– На еду омменяшь?

– Да-да, на еду!

– Идём к саням. Вона где стоят, у водокачки.

Когда они с крестьянкой вошли в темноту, Фарида почувствовала острую боль, пронзившую затылок.

* * *

Гилимьян вышел из привычного состояния отупения, когда младшая дочь, которая уже несколько минут нудно хныкала, вдруг замолчала. Всё это время он, оказывается, машинально гладил Фаю по голове и даже что-то бормотал. Но утихла она вовсе не от утешений отца. Замолчать её заставил отчаянный возглас старшей сестры. Гилимьян только что пришёл в себя и не слышал то, о чём говорили ранее. Он вопросительно кивнул Раисе. Та давно не видела участия со стороны отца, поэтому быстро и взволнованно затараторила:

– Папа, мама больше не придёт? Не придёт, потому что Фая всегда плачет, не может немножко потерпеть. Ревёт и ревет, как будто коровушка. Папа, скажи, мама насовсем ушла?

Тут только Гилимьян понял, что его Фарида где-то задержалась. Все, кто выходил из вагона, уже вернулись, а она – нет. Мужчина попросил пожилую чету присмотреть за детьми, а сам выскочил на улицу. Сначала сновал возле вагонов и звал её, потом кинулся к торговкам. Какая-то женщина припомнила, что видела, как молодая татарка с пуховым платком в руках ушла с грузной крестьянкой к зданию водокачки. Она заговорщицки зашептала:

– Зря ушла, здесь место нехорошее. Голод. Говорят, люди стали пропадать.

Гилимьян ещё на своей станции услышал от прохожих, что повсюду творится невообразимая жестокость. Полный тревожных предчувствий, он понёсся к водокачке. Кричал: «Фарида, ты где?» – и не узнавал свой голос, столько в нём было безысходности и ужаса. Возле деревянного строения увидел в разворошённом сугробе варежку. Поднял её и поднёс к глазам. Да, это Фарида вязала, знакомый узор. Вдруг Гилимьян заметил какие-то капли. Чудовищная догадка, что это кровь его жены, ударила точно обухом по голове. Мужчина устремился дальше по едва заметным под лунным светом следам на снегу. Но они внезапно оборвались, дальше шла двойная линия, оставленная санями. Гилимьян пробежал несколько метров в том направлении и оказался на широком тракте. Теперь следов было много. Мужчина уловил протяжный гудок поезда, который возвещал об отправлении. Что делать? Продолжить поиски или покинуть свою Фариду? Метался, надрывался, уже точно зная, что, если пойдёт дальше, потеряет девочек, если к поезду – жену. Что бы выбрала его Фарида? Она бы всё отдала за жизнь детей. Гилимьян отчаянно, почти по-звериному, рыкнул в последний раз, надорвав голос, и кинулся к отходящему поезду. Обессиленный от голода, он еле ухватился за поручни

последнего вагона. Пробирался в полутьме к своему четвёртому и боялся, что девочек там уже тоже нет.

Издали слышал плач своих дочерей. Последняя надежда на то, что его Фарида вернулась, пока он искал её, рухнула...

Десятилетия спустя, когда уже не стало СССР, следователь МВД Лилия Баймухаметова, дочь Раисы, поехала в Поволжье в поисках информации о пропавшей бабушке. Запросы не принесли результата. Работая с рассекреченными архивами Казанского отделения Горьковской железной дороги, внучка Фарида узнала о случаях нападения на людей во время голода 1921—1922 гг.

Глубинка

Дальнобойщик Николай выехал из Челябинска в Ярославль с грузом. С самого утра небо заволокло серыми тучами, что вызывало опасения у опытного водителя. Когда он миновал пост ГАИ, появились первые снежинки. Нехорошие предчувствия, не дававшие ему покоя, усилились. Он боялся опоздать к празднованию юбилея свадьбы, на которое были приглашены два его сына с семьями, многочисленная родня супруги и сваты. С женой, которая по паспорту была Тансылу, но давно стала для родных, друзей и коллег по цеху Танечкой-Танюшей, они прожили четверть века. Даже не верилось, что столько времени прошло! Казалось, только вчера он встретил её и отбивался сначала от деревенских парней, а потом от семьи девушки. Неприятие отца, матери и двух сестёр Тани вызывали не только национальные различия. Молодой человек без корней казался родственникам девушки опасным и подозрительным. Николай, воспитывавшийся в детском доме, поэтому долгое время настораживал их. Лишь много лет спустя он смог завоевать доверие, стал им сыном, братом и обожаемым бабой⁵.

Снег повалил хлопьями. Нервничая, Николай бубнил себе под нос модную песню Валерия Леонтьева:

*Исчезли солнечные дни,
И птицы улетели.
И вот проводим мы одни
Неделю за неделей...*

Возле башкирской деревеньки Юрматово, находящейся на трассе между Челябинском и Оренбургом, на его КамАЗе треснули сразу три рессорных листа.

Николай, обычно сдержанный и серьёзный, на чём свет стоит отругал начальника, из-за жадности которого произошла поломка:

– Я же говорил: перегруз! Совести нет. Это же надо было так машину надорвать, что рессора лопнула. Гад же ты, Михеич, жадная гадина!

Убедившись в том, что он ничего не может исправить, Николай в сердцах сказал:

– Вот вам и везунчик! Сглазили, шельмы!

Везунчиком и фартовым Николая называли коллеги-водители. Ему действительно всегда сопутствовала удача. Если разыгрывали один гэдээровский телевизор на всю автоколонну или путёвку в социалистическую Болгарию, то счастливый билет выпадал именно ему. За что бы он ни брался, что бы ни делал, всё ему давалась легко. Крепко стоящий на ногах, хозяйственный и деловой, он просчитывал свои действия на несколько ходов вперёд. Была в нём какая-то основательность и степенность, которая выделяла его среди равных. Неслучайно он пользовался непререкаемым авторитетом и уважением среди коллег. Ещё в молодости ему предлагали кресло начальника автоколонны, но он наотрез отказался. Не представлял себя Николай в душном кабинете. Ему нужны были дорога, простор, воздух. Да и оклад дальнобойщика выше, чем у тех, кто протирает штаны, а ему сыновей надо было поднимать.

⁵ Свояк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.